

Глава 34. В одной постели

Тело его одеревянело; он замер, не смея даже вздохнуть.

В самый кончик носа ударил аромат, исходящий от гээра — подстегнутый теплом человеческого тела, этот запах дурманил, превращая мысли в беспорядочное месиво. У самой шеи слышалось мерное, глубокое дыхание — верный признак того, что спутник ещё не проснулся.

Грудь и ноги Сун Чжэньцзиня были придавлены: гээр прильнул к нему, точно вьюнок, обвивший ствол дерева.

Дыхание доктора сбилось. Заметив, что в вырезе слегка распахнутого ворота мелькнуло нечто алое, он судорожно зажмурился. Ресницы его мелко, непрерывно подрагивали.

Так он и лежал — неподвижный, словно каменная плита. Прошло немало времени, прежде чем Сун Чжэньцзинь, едва не сгорев от внутреннего жара, сумел вернуть себе крупницы самообладания.

«Когда же он пробрался под одеяло? Скатился во сне или залез сам?»

От напряжения Сун Чжэньцзинь взмок. Он глубоко вдохнул, пытаясь унять дрожь в сердце, и осторожно шевельнулся, намереваясь подняться.

Однако в ту же секунду руки и ноги Е Ишу сжались крепче. Сун Чжэньцзинь невольно крикнул — хватка оказалась на диво сильной.

«У какого ещё гээра найдётся такая мощь?»

Он попытался высвободить руку — та была намертво зажата. Попробовал двинуть ногой — её оплели, словно тисками.

Положение хуже некуда: из всего тела слушалась только шея. К тому же вторая половина туловища уже начала неприятно затекать.

Когда первый испуг прошёл, Сун Чжэньцзинь уставился в потолок и тихо позвал:

— А-Шу...

Е Ишу, недовольный тем, что его беспокоят, лишь сильнее уткнулся лицом в изгиб шеи доктора.

Разве мог немощный лекарь тягаться с гээр-охотником? От этого напора голова Сун Чжэньцзиня соскользнула с подушки. Он чувствовал себя совершенно беспомощным.

Попытавшись приподняться, чтобы хоть немного сдвинуться, он вдруг ощутил на своей шее ладонь. Она легла аккуратно на рану.

Сун Чжэньцзинь сдержал стон, но в следующее мгновение по другой, здоровой стороне шеи полоснула резкая боль.

Зрачки его сузились, а едва обретенное спокойствие разлетелось в прах.

А-Шу его укусил.

— Не вертись! — Е Ишу недовольно приоткрыл глаза, в которых плескалось глухое раздражение.

Он всегда тяжело просыпался, а тут «грелка», в объятиях которой было так уютно, начала шевелиться и что-то бормотать, прерывая сладкие грёзы.

Перед взором Е Ишу предстала напряжённая шея с отчетливо проступившими жилками и мочка уха, покрасневшая до цвета спелой вишни.

Он заторможенно моргнул. Прямо под его ладонью доктор Сун, густо покраснев, тяжело и прерывисто дышал, будто его только что незаслуженно обидели.

В голове Е Ишу воцарилась пустота. Почувствовав, что всё ещё прижимает руку к шее мужчины, он поспешно отстранился.

Гээр стиснул зубы — на губах всё ещё сохранялось ощущение чужой кожи, отдающей горьковатым ароматом трав.

Чувствуя неловкость, Е Ишу приподнялся на локте.

Как только тяжесть чужого тела исчезла, затекшие мышцы Сун Чжэньцзиня пронзило колючей болью. Он медленно повернул голову: в его обычно холодных глазах стояла влага, а уголки век жалобно покраснели.

Черные волосы беспорядочно рассыпались по подушке, на висках выступила испарина. Выглядел он в этот миг...

«Чертовски соблазнительно!» — пронеслось в мыслях Е Ишу.

Он невольно сглотнул и окончательно сел, откинув одеяло.

Сун Чжэньцзинь закрыл глаза, пережидая приступ ломоты в теле.

Е Ишу сидел на постели с прямой спиной и полурасстегнутым воротом нижней рубахи, напоминая подлеца, который ещё не до конца осознал, что только что совратил невинную душу.

— А-Шу, накинь одежду, — негромко произнёс Сун Чжэньцзинь.

— О, — Е Ишу механически подхватил лежавшую рядом одежду и набросил на плечи. Со сна он даже не заметил, что вещь — не его.

После этого короткого обмена фразами в комнате воцарилась тишина.

Один лежал, другой сидел. Прошла четверть часа, прежде чем Сун Чжэньцзинь почувствовал, что чувствительность вернулась к конечностям.

Е Ишу к тому времени окончательно протрезвел от сна и искоса поглядывал на доктора.

— Вчера среди ночи мне не спалось, вот я и перебрался к тебе. Прости, — он низко опустил голову, говоря предельно искренне. Но любого мужчину подобное признание из уст гээра свергло бы в полнейшее смятение.

Сун Чжэньцзинь не стал исключением.

Он поднялся и, стараясь не смотреть на супруга, спустился с кровати. Заметив, что его верхнее одеяние наброшено на плечи гээра, он подошёл к шкафу и достал другой комплект.

— А-Шу, выбирай выражения, — бросил он через плечо.

«Перебрался к тебе»... Звучит почти как «залез в постель».

Е Ишу перекатился на бок, сбрасывая чужую одежду. Ворот его собственной рубахи распахнулся, и Сун Чжэньцзинь поспешно отвернулся, хотя кончики его ушей всё ещё пылали.

Е Ишу оглядел себя — всё прикрыто. Натягивая одежду, он проворчал:

— А разве мы с тобой не одинаковые?

— А-Шу...

— Сам же говорил — согреешь мне уши, — Е Ишу демонстративно поковырял в ухе. — Я вовсе не собирался пользоваться случаем. Просто так спать хотелось, что голова соображать перестала, вот и натворил дел в полусне. Ну и что теперь? Хочешь, чтобы я взял на себя ответственность?

Этот безразличный тон лишил Сун Чжэньцзиня последних сил.

— В проигрыше остаёшься ты, — вздохнул он.

— Хм, — Е Ишу прищурил лисьи глаза, с ног до головы оглядывая уже одетого лекаря. Уголки его губ поползли вверх. — А я не чувствую себя обиженным.

Сун Чжэньцзинь видел его насквозь — этот гээр вёл себя как заправский гуляка, соблазнивший девушку из приличной семьи... Что за чушь лезет в голову!

Окажись на его месте кто-то другой, он бы давно воспользовался беззащитностью гээра, и тому было бы не до шуток.

При мысли о том, что Е Ишу мог бы так же вести себя с другим мужчиной, Сун Чжэньцзинь ощутил укол гнева. Он подошёл к кровати и бесцеремонно ухватил гээра за щеку.

Е Ишу лениво поднял взгляд.

Его глаза с хитринкой напоминали взор наглого лисьего оборотня. Он смотрел свысока, ни капли не раскаиваясь.

— Что, неужто ты считаешь себя пострадавшим? Ну, хочешь, я тоже к тебе как-нибудь подлезу?

Сун Чжэньцзинь чуть сильнее сжал пальцы. Е Ишу шикнул и уже замахнулся, чтобы ударить наглеца по руке, но, заметив, что на шее мужчины снова проступила кровь, передумал. Вместо удара он перехватил доктора за подбородок и заставил повернуть голову.

Сун Чжэньцзинь, не ожидавший такого отпора, невольно разжал пальцы.

Е Ишу отлепил повязку, и брови его сошлись на переносице. Увлекая Сун Чжэньцзиня за собой, он заставил его сесть на край кровати.

— Опять кровоточит.

Он обернулся, достал медицинский ящик доктора и, открыв его, спросил:

— Какое лекарство?

Сун Чжэньцзинь молча указал на нужный флакон.

Е Ишу достал снадобье и, придерживая мужа за подбородок, заставил его чуть склонить голову. Он аккуратно присыпал рану порошком, заново наложил повязку и убрал ящик на место.

Вымыв руки, он вернулся и сел рядом с Сун Чжэньцзинем.

Тот сглотнул, глядя на гээра, и в конце концов лишь тяжело вздохнул.

— Проголодался?

Е Ишу кивнул, и в глазах его вспыхнул живой огонек.

Сун Чжэньцзинь поджал губы, но не выдержал и улыбнулся.

Этот гээр привык следовать велению сердца, он не желал сковывать себя правилами, навязанными его положением, и Сун Чжэньцзинь решительно не знал, что с ним делать.

Впрочем, он и сам был хорош — вчера, не подумав, полез греть ему уши.

«Пусть на этом всё и закончится».

Они один за другим поднялись и слаженно направились в сторону кухни.

На завтрак была мясная каша. Е Ишу стоял у разделочной доски, и стук ножа — «дон-дон-дон» — разносился по всему дому. Внезапно свет в дверном проеме на миг померк. Обернувшись, он увидел вошедшего мужчину — вид у того был помятый и удрученный, но, по крайней мере, от одежды больше не несло зловонием.

Е Ишу сразу узнал в нём того человека, что открыл ему дверь, когда он в прошлый раз приходил искать Сун Чжэньцзиня.

— Чжэньцзинь, и муж Чжэньцзиня... — Сун Чжунхэ неловко потер руки и заискивающе улыбнулся. Он бросил взгляд на сына, но, испугавшись его холодности, тут же отвернулся.

Лицо Сун Чжэньцзиня осталось бесстрастным.

— А-Шу, это мой отец.

Е Ишу, заметив, как посуровел доктор Сун, догадался, что отношения в этой семье, мягко говоря, натянутые. Он вежливо поздоровался:

— Здравствуйте, дядя.

Сун Чжунхэ вздрогнул и уставился на них обоих.

Сун Чжэньцзинь не стал ничего объяснять и вернулся к очагу.

Сун Чжунхэ неприкаянно бродил по комнате: то принимался умываться, то пытался завести разговор с Е Ишу.

Весь завтрак доктор Сун напоминал «холодную красавицу»: лицо его было застывшим, и он не проронил ни слова в ответ на заискивания отца.

Закончив с мясом, Е Ишу сменил Сун Чжэньцзиня у огня. В этой странной, гнетущей атмосфере он молча помешивал кашу, поглаживая А-Хуана и отрешенно глядя на пламя.

Спустя какое-то время голос Сун Чжэньцзиня вывел его из оцепенения:

— А-Шу, пора за стол.

Е Ишу кивнул и, вымыв руки, вышел в столовую.

С карниза падали капли — снова начался мелкий, как нить, дождь. Небо затянуло свинцовыми тучами, ветер стих.

В главной комнате семья Сун впервые собралась в полном составе с тех пор, как Е Ишу переступил порог этого дома.

За квадратным столом на восемь персон Сун Чжунхэ занял одну сторону, Чжоу Ай с ребенком — другую, а он и Сун Чжэньцзинь сели напротив друг друга.

На столе не было ничего, кроме мясной каши, тарелки маринованной редьки и тушеной капусты.

Все молча принялись за еду. Тишину нарушал лишь стук палочек о грубую керамику мисок.

Сун Чжунхэ украдкой наблюдал за сыном и его супругом. Видя, что они сидят по разным сторонам и даже не переглядываются, он не на шутку затревожился.

«Вроде бы выглядят гармонично, подходят друг другу... Почему же ни словом не обмолвятся?»

Е Ишу, почувствовав на себе долгий взгляд, покосился на старика.

— Отец, ешь, — сухо бросил Сун Чжэньцзинь.

— Хорошо, хорошо, ем, — Сун Чжунхэ поспешно уткнулся в миску, продолжая гадать про себя.

Чжоу Ай, сжимая палочки, чувствовала, как в груди закипает обида. Сун Чжунхэ только и делал, что пялился на старшего сына, совершенно позабыв о ней и их ребенке.

Пусть поначалу у них и были размолвки, но она живет в этом доме уже почти год, а Сун Чжунхэ так и не соизволил проявить к ней хоть каплю тепла.

Глава семьи, а ведет себя как подкаблучник, заглядывая сыну в рот. Она-то мечтала о безбедной жизни, но если на мужика нельзя положиться, откуда возьмется достаток?

Чжоу Ай бросила на Сун Чжунхэ полный горечи взгляд.

Е Ишу случайно перехватил этот взор, и плечи его невольно дернулись — по рукам пробежала стая мурашек.

Сун Чжэньцзинь заметил это и тихо спросил:

— Что случилось?

Е Ишу лишь покачал головой и опустил глаза, решив больше не смотреть по сторонам.

«Боюсь, как бы глаза не вылезли от такого зрелища!»

Встав из-за стола, Сун Чжэньцзинь взял корзину для трав. Е Ишу последовал за ним; они вместе начали подниматься по тропинке в горы.

А-Хуан то бежал следом, то вырывался вперед.

— Я сначала загляну домой, проверю, как там дела. Будь осторожен в лесу.

Сун Чжэньцзинь кивком подтвердил, что понял, и проводил гээра взглядом, пока тот не скрылся за склоном.

В горах стоял густой туман. Дома закончились некоторые снадобья, и Сун Чжэньцзинь решил пополнить запасы.

Е Ишу тем временем во весь дух мчался к деревне Сялинь. Заметив на поле человека в соломенной шляпе, который перекапывал землю, он крикнул:

— Второй двоюродный дед!

— О! Братец Шу вернулся, — Е Кайцан оперся на мотыгу и поправил шляпу. — Скорее иди домой, там у вас снова скандал.

Е Ишу нахмурился:

— Дедушка, не знаете, из-за чего шум?

— Твой второй дядя со своей семейкой делов наворотили... Боюсь, вашему делу конец...

Е Ишу всё понял. Наскоро попрощавшись с Е Кайцаном, он поспешил к родному дому.

По пути ему попадались односельчане, переживавшие дождь под навесами. Завидев его, они окликали: «Братец Шу!», и каждый твердил одно и то же: скорее иди домой, там уже несколько дней не утихают крики, людям спать не дают.

Слушая это, Е Ишу всё больше мрачнел. Когда он, забрызганный грязью по самые колени, добрался до ворот, крики в доме всё еще продолжались.

— Е Чжэнкунь, выходи, неблагодарный! Я тебя родила, я тебя выкормила, а ты, паршивец, о разделе дома заикаешься! Ты что, мать заживо похоронил? Или отца ни во что не ставишь?!

— О боги... за что мне такое... ик!

Е Ишу с черным, как грозовая туча, лицом замер у изгороди. Старуха, мазнув по нему взглядом, от испуга подавилась собственным криком и громко икнула.

Ругань как отрезало. Она замахала руками и юркнула в дом, будто за ней гнались все демоны преисподней.

Е Ишу толкнул калитку. Обувь была тяжелой от налипшей грязи и травы. Он счистил сор о камень и вошел во двор, громко крикнув:

— Отец, матушка, я вернулся!

В ту же секунду дверь восточного флигеля распахнулась.

Первым выбежал Доумяо. Лицо его припухло, и он с плачем бросился к старшему брату. Е Ишу подхватил ребенка за плечи и приподнял его голову.

На щеке красовался отчетливый след от пощечины — все пять пальцев были видны как на ладони.

— Кто это сделал? — голос его стал пугающе тихим.

— Брат, бабушка хотела ударить маму, а потом и папу... — мальчик вцепился в его руку, горько рыдая.

Е Ишу успокаивающе погладил Доумяо по голове и взглянул на мать, которая пряталась за спиной мужа. Уголок её рта был разбит, на лице виднелись царапины.

Е Чжэнкунь с женой никак не ожидали, что сын вернется именно сейчас. Они суетливо пытались скрыть следы побоев, отводя глаза.

Е Ишу бросил ледяной взгляд на главный дом и увел родных в комнату.

Родители присели на кровать, а он с Доумяо устроился на табуретах напротив.

подавив ярость, Е Ишу спросил:

— Отец, матушка, что произошло на самом деле?

Е Чжэнкунь, проклиная собственное бессилие, сжал кулаки и с силой ударил по кровати:

— Это твой младший дядя с женой... Они украли рецепт, а потом, прикрываясь нашим именем, продавали испорченный товар. Чуть до беды не дошло, люди едва не отравились.

— Теперь торговля встала. Я не выдержал, позвал старейшину клана, чтобы разделить хозяйство. Но дед с бабкой — ни в какую. Знали, что тебя нет, вот и распоясались.

— И потому подняли руку? — процедил сквозь зубы Е Ишу.

— Подняли, — Е Чжэнкунь понурился. — Но мы тоже в долгу не остались, я твоему дяде знатно всыпал.

Е Ишу хотел было улыбнуться, да не смог. Впрочем, и то хлеб — наконец-то отец перешел от слов к делу.

— А где этот «дядюшка»?

— Сбежал. А его жена забрала Цзиньбао и укатила к родителям, уже несколько дней носа не кажет.

«Знает, когда надо делать ноги. Видать, в прошлый раз я его недостаточно напугал».

Е Ишу спросил снова:

— А как решили дело с теми, кто чуть не погиб от их стряпни?

При воспоминании об этом лицо Е Чжэнкуня исказилось:

— Приходили старосты из соседних деревень, во всём разобрались. Доказали, что это твой дядя гнал за легкой наживой, а мы ни при чём.

— Но у нас с ним одна фамилия, одна мать. Он опозорил наш род, теперь наш товар никто и даром не возьмет.

Выслушав это, Е Ишу поднялся:

— Пойду, потолкую с бабушкой.

С этими словами он вышел за дверь.

Доумяо, чье лицо горело от боли, прижался к Ши Пулю, пытаясь унять зуд.

Е Ишу, уже стоя во дворе, вспомнил об этом и обернулся:

— Отец, отведи матушку и Доумяо к лекарю, пусть даст мазь.

— Сейчас же пойду, — Е Чжэнкунь подхватил жену и сына.

Он и раньше хотел уйти, да не мог — Ли Сынян караулила у дверей, боясь, как бы они снова не привели главу клана.

В доме остались только Е Ишу и старики.

Е Ишу подошел к дверям главного дома и постучал.

— Дедушка, бабушка, я вижу, вы по мне соскучились, раз решили сорвать злость на моих родителях.

Внутри Ли Сынян и Е Кайлян сидели, затаив дыхание. Старуха сглотнула и, вцепившись в одежду мужа, прошептала дрожащим голосом:

— Этот выскочка должен быть в уезде, как он здесь оказался? Старик, старик, придумай же что-нибудь!

Е Кайлян, видя тень на дверной бумаге, оттолкнул жену и проворчал:

— Чего раздрожалась? Не посмеет он руку поднять.

— Еще как посмеет! — взвизгнула Ли Сынян.

Е Кайлян огрызнулся:

— Сама виновата, нечего было лезть с кулаками.

— Ах так! Теперь ты меня винишь?! Сам же говорил — нельзя выпускать этих неблагодарных со двора, пока глава клана не ушел далеко...

— Хватит препираться, — Е Ишу снова ударил в дверь. — Бабушка, открывай. Не откроешь — вынесу дверь вместе с петлями, и не проси потом чинить.

Старики притихли, испуганно прижавшись друг к другу.

— Ладно, не хотите по-хорошему...

— Е Ишу! — рявкнул из-за двери Е Кайлян.

Е Ишу демонстративно поковырял в ухе:

— Дедушка, ори не ори, я не из пугливых.

— Не смей ломать! Открою я, открою! — закричала Ли Сынян.

Е Ишу опустил уже занесенную ногу. Послышались шаркающие шаги, и спустя вечность дверь приоткрылась на узкую щелку.

Е Ишу криво усмехнулся, но взгляд его оставался холодным.

— Чего дрожите? Бабушка только что так бодро голосила.

— Ты! — Ли Сынян лишилась дара речи.

— Что «я»? Бабушка, я ведь предупреждал — не трогайте моих родителей. Вы люди пожилые, я вас бить не стану, но лучше молитесь, чтобы младший дядя не возвращался в этот дом.

— Как только он покажется... — Е Ишу понизил голос до шепота, — я лично отведу его в управу.

— Знайте: торговец, который умышленно продает гниль и едва не лишает людей жизни, по закону может лишиться головы.

Он увидел, как у старухи от ужаса задергались веки, и его губы тронула зловещая улыбка.

— Не верите — спросите у любого грамотея. А я пока здесь поживу, присмотрю за вами. И как только он вернется...

— Не смей! Е Ишу, не смей! — Е Кайлян распахнул дверь, едва не падая от ярости.

Е Ишу ответил:

— Дедушка, бабушка, держитесь крепче. Если помрете от злости — значит, срок ваш пришел, я тут ни при чём.

Е Кайлян и Ли Сынян ясно видели ледяной блеск в глазах гээра. Он говорил спокойно, но в каждом слове чувствовалась непоколебимая решимость.

Если он и впрямь донесет властям...

Они-то откупились от пострадавших, но если этот малый поднимет шум!

— Братец Шу, бабушка тебя просит... — Ли Сынян, вмиг растеряв всю спесь, заскулила, пытаясь задобрить внука.

Е Ишу брезгливо отстранился:

— Оставьте, мне еще пожить охота, не надо мне ваших поклонов.

— Да что же тебе нужно! — Е Кайлян оттолкнул жену, решив, что разгадал замысел внука.

Е Ишу смерил его взглядом:

— Ничего особенного. Просто хочу, чтобы младший дядя отведал тюремной каши.

— Я согласен! Я согласен на раздел дома!

Е Ишу покачал головой:

— Поздно. Не будем ничего делить. Будем жить так. А когда дядю упекут за решетку, вы, старики, останетесь на нашем попечении. Я тоже буду сидеть дома, кормить вас лебедой да смотреть, как вы доживаете свои «счастливые» годы...

Е Кайлян почувствовал, как по спине пробежал холодок. Перед ним стоял не внук, а сущий демон.

— Ты... ты нечестивец! Я подам на тебя жалобу за неуважение к старшим!

— О, раз так, то и в доме вам делать нечего. Одна порция сонного зелья — и я отвезу вас в бамбуковую хижину в горах. Там тихо, свежий воздух, самое место для почтенных старцев.

Е Кайлян затрясся всем телом, голос его сорвался на хрип:

— Ты... ты... неблагодарное отродье!

Е Ишу отвесил шутливый поклон:

— Благодарю за похвалу. Если память мне не изменяет... прадедушку ведь вы со свету сжили, дедушка?

От этой небрежно брошенной фразы Е Кайлян вмиг побелел.

Е Ишу, склонившись к самому его уху, прошептал еще тише:

— Второй двоюродный дед как-то обмолвился при мне... Мол, странно это: прадед был еще крепок телом, а как посидел с вами да с бабушкой, так сразу «неудачно упал» и...

— Замолчи! — Е Кайлян вцепился в дверной косяк, костяшки его пальцев побелели, а дыхание стало тяжелым и свистящим.

Е Ишу, глядя на его посиневшее лицо, подумал: «Надо же, а ведь я просто наугад ляпнул... Похоже, и впрямь их рук дело».

Он развернулся и пошел прочь.

— Ты куда?! — старики выскочили вслед за ним, объятые паникой. Сын, отец — все страхи разом обрушились на них.

— Никуда. Пойду поищу дядю.

Силуэт Е Ишу быстро растаял в сумерках. Ли Сынян не выдержала и осела на землю. Она вцепилась в штанину мужа, судорожно сглатывая.

— Старик, старик... что делать? Как же наш четвертый? Как же мы?

Е Кайлян, опираясь о стену, заковылял обратно в дом.

Он рухнул на табурет и, не обращая внимания на причитания жены, прохрипел:

— Пошли кого-нибудь к четвертому. Пусть передадут — чтобы носа в деревню не совал. А Цзинь Лань пусть бежит за старейшинами. Мы сами... мы первыми потребуем, чтобы семья старшего отделилась. Скажем... скажем, что они не почитают родителей!

В империи Дацю сыновний долг превыше всего. Если они первыми заклеят старшего сына неблагодарным, что бы тот ни говорил потом, люди сочтут это лишь жалкой попыткой оправдаться.

Тем временем Е Ишу, покинув двор, направился к дому деревенского лекаря, где были его родители.

Он поправил топорик за поясом и подумал: «Дома наверняка снова начнется цирк. Надеюсь, у

отца с матерью хватит духу выстоять».

И точно — не успели они пробыть у лекаря и получаса, как прибежал Е Дашунь, сын второго двоюродного деда.

— Дашунь, что случилось? — спросил Е Чжэнкунь.

— Дядя, скорее возвращайтесь! Дедушка созвал старосту и старейшин, хотят официально делить хозяйство.

— Делить?! — Ши Пулю и Доумяо вскочили. Несмотря на мазь на лицах, они поспешили вслед за Е Чжэнкунем.

Когда они вошли в дом, главная комната была полна людей.

Е Чжэнкунь с женой на миг замялись у порога, но, собрав волю в кулак, вошли внутрь.

Е Ишу неспешно следовал за ними. Его острый взгляд скользнул по старикам, и те поспешно отвели глаза.

Е Чжэнкунь первым поклонился старейшинам. Е Ишу с братом последовали его примеру.

Когда все расселись, заговорил седовласый глава клана Е Фэнминь, которому на вид было уже под восемьдесят:

— Чжэнкунь, раньше ты просил нас разделить дом с четвертым братом, но родители были против. Теперь же твой отец утверждает, что вы с женой попираете сыновний долг, и, не видя иного выхода, он сам решил отделить вас. Есть ли у вас возражения?

Е Чжэнкунь низко склонил голову:

— Глава клана, я уже рассказывал, как всё было. Когда вы ушли в прошлый раз, родители только и делали, что срывали на нас злость. Посмотрите на лицо моей жены, на Доумяо...

Он с горечью воскликнул:

— О каком «непочитании» может идти речь?!

Все взгляды обратились на Ши Пулю, а затем на Доумяо. Личико ребенка и впрямь сильно распухло.

Староста Е Цэншоу гневно зыркнул на Е Кайляна и погладил мальчика по голове.

Доумяо был самым смышленным и послушным ребенком в деревне, все его любили. Только эти двое безумцев могли поднять на него руку.

В деревне все друг друга знают, и «подвиги» семейства Е давно стали притчей во языцех.

Все последние дни Ли Сынян костерила старшего сына на чем свет стоит, так что соседи уже завалили старосту жалобами. И теперь эти двое пытаются выставить себя жертвами?

— Е Кайлян, ты и впрямь потерял остатки совести! — не выдержал Е Кайцан, указывая пальцем на брата.

— Брат, нечего болтать, если не видел! Они сами... сами подстроили всё, чтобы...

— Дедушка, бабушка, зачем вы лжете? — невинно спросил Доумяо, глядя на стариков широко открытыми глазами.

— Хватит! Не смейте впутывать ребенка в свои грязные дела!

— Мы все в одной деревне живем, нас не обманешь. Хватит позориться, — отрезал Е Кайцан. — Делите дом немедленно, пусть люди наконец заживут спокойно.

Е Кайлян огляделся — никто не сочувствовал ему.

Встретившись взглядом с темными, непроницаемыми глазами Е Ишу, он понял, что отступать некуда.

Стиснув зубы, он прохрипел:

— Делим!

<http://bllate.org/book/13660/1588085>